

VIII

«Повесть о Фроле Скобееве»¹⁰⁹ — типичная плутовская новелла, история ловкого обманщика, решившегося во что бы то ни стало жениться на дочери стольника Нардина-Нащокина и успешно осуществившего свой замысел.

Новая и весьма примечательная черта повести — это отказ от традиционных литературных способов повествования, полное изменение повествовательного стиля. Стиль авторского повествования близок к стилю деловой прозы, приказного делопроизводства. Автор дает показания на суде в большей мере, чем пишет художественное произведение. Характерны в этом смысле уточняющие приемы свидетельских показаний — широкое употребление указательных местоимений — «тот», «та», «то»: «И в то время пришла к тому приказчику мамка дочери стольника Нардина-Нащокина. И усмотрел Фрол Скобеев, что та мамка живет всегда при Аннушки. И как пошла та мамка от того прикащика к госпоже своей Аннушке, Фрол Скобеев вышел за нею и подарил тое мамку двумя рублями. И та мамка сказала ему...».

Автор повести нигде не стремится к литературной возвышенности. Перед нами непритязательный рассказ о занимательных событиях.

Было бы, однако, ошибочным не видеть за этой внешней непритязательностью довольно своеобразного искусства рассказа. В этом отношении яркой показательностью отличается прямая речь в повести. В «Повести о Фроле Скобееве» есть как раз то, чего больше всего не хватало в «Повести о Савве Грудцыне»: индивидуализированной прямой речи действующих лиц, живых и естественных интонаций этой прямой речи.

Разговорная речь в литературе до появления «Повести о Фроле Скобееве» совершенно не была индивидуализирована

---

¹⁰⁸ Это подметил еще А. Н. Пыпин, связывавший «Карпа Сутулова» с фаблью: А. Н. Пыпин. История русской литературы, т. II. Изд. 2-е. СПб., стр. 552.

¹⁰⁹ Специального монографического издания-исследования повести, к сожалению, не существует. Последние публикации в антологиях см.: Русская повесть XVII века, стр. 155—166; «Изборник» (Сборник произведений древнерусской литературы). М., 1969, стр. 686—696.

психологически и не только не была выделена в своих профессионально и социально-групповых разветвлениях и диалектных формах, но и в стилистическом отношении совершенно не была отделена от авторской. Действующие лица русской литературы XI—XVII вв. говорили обычно языком автора — его стилем, его словами. «Повесть о Фроле Скобееве» — первое литературное произведение, в котором автор отделил речи своих персонажей, как устную речь, от своей собственной.

Прямая речь действующих лиц «Повести о Фроле Скобееве» еще слабо индивидуализирована, но тем не менее она уже резко отличается от авторской речи. В ней соблюдены живые интонации устной речи. Ср., например: «Пообожди малое время, я схожу к братцу своему», «Поди, скажи той мамке», «Ну, сестрица, пора тебе убираться и ехать в гости», «Принеси, сестрица, и мне девичей убор, уберуся и я», «Полноте, девицы, веселится!», «Ну, мамушка, как твоя воля на все наши девичьи игры», «Изволь, госпожа Аннушка, быть ты невестою», «Настоящей ты плут! Что ты надо мною зделал!»; «Встань, плут! Знаю тебя давно, плута, ябедника, знатно, что наябедничал себе несносно, скажи, плут, буде сносно, стану стараться о тебе, а когда не сносно, как хочешь. Я тебе, плуту, давно говорил: живи постоянно, встань скажи, что твоя вина?»; «Жена, жена! Что ты ведаешь, я нашел Аннушку!», и т. д.

Иногда действующие лица подают реплики только одним словом: «И столник Нардин-Нащокин сказал: „Изрядно!“»; «И Фрол Скобеев только говорит: „Отпусти!“».

Особенно замечательно одно место «Повести о Фроле Скобееве», в котором речь действующего лица использована с едва заметной иронией и юмором. Фрол Скобеев падает в ноги Нардину-Нащокину перед всем народом у Успенского собора по отшествии литургии. Лежа на земле, он молит Нардина: «Отпусти!», не называя своего имени. «Древний годами», хотя еще не вполне слепой, стольник не может узнать Фрола и только подталкивает его «натуральной клюшкой», пытаясь поднять с земли. Тогда Ловчиков подходит к Нардину и докладывает: «Лежит перед вами и просит отпущения вины своей дворенин Фрол Скобеев!».

Замечательно и то разнообразие, с которым вводится в повесть прямая речь действующих лиц: то Нащокин «закричал», то он «плачет и кричит», то стал «рассуждать з женою», то «приказал», то «спрашивает ево», то стольники «имели между собой разговоры», то Ловчиков «объявил», и т. д.

Может быть отмечено в «Повести о Фроле Скобееве» и искусное ведение диалогов. Вот, например, диалог между Нардиным-Нащокиным и его сестрой, из которого выясняется, что Аннушки нет у последней. Это самый острый момент в сюжете, и эффект неожиданности замечателен в этом диалоге. Нардин-Нащокин

сидит у сестры в монастыре. «Долгое время не видит дочери своей и спросил сестры своей: „Сестрица, что я не вижу Аннушки?“ . И сестра ему ответствовала: „Полно, братец, издиватся! Что мне делать, когда я несчастна моим прошением, к себе, просила ея прислать ко мне; знатно, что ты мне не изволишь верить, а мне время таково нет, чтоб послать по нея“. И стольник Нардин-Нащокин сказал сестре своей: „Как, государыня сестрица, ты изволишь говорить? Я о том не могу рассудить, для того что она отпущена к тебе уже тому месяцу, для того что ты прислала по нея карету и с возниками, а я в то время был в гостях и з женою, и по приказу нашему отпущена к тебе“. И сестра ему сказала: „Никак я, братец, возников и кареты не посылала никогда, Аннушка у меня не бывала“. И стольник Нардин-Нащокин весьма сожалел о дочери своей, горько плакал, что безвестно пропала дочь ево».

Индивидуализация прямой речи в «Повести о Фроле Скобееве» связана с важной особенностью этой повести — появлением в ней достаточно определенных характеров действующих лиц. Мы уже говорили о намечающейся индивидуализации характеров в некоторых памятниках XV в., — например, в житийной повести о Петре и Февронии. Интерес к характерам действующих лиц был свойствен некоторым памятникам исторического повествования начала XVII в. — например, Хронографу 1617 г. или «Временнику» Ивана Тимофеева.¹¹⁰ Автор «Повести о Фроле Скобееве» пошел значительно дальше в изображении характеров своих героев. Характеры во «Фроле Скобееве» не отличаются сложностью; автор придает действующим лицам в основном те черты, которые оправдывают назначенные им роли в цепи приключений повести. Но поступки героев теснейшим образом связаны с их характерами и вытекают из них. Автору не нужно представлять своих героев читателю и объяснять что-либо от себя: читатель сам слышит разговоры между ними и может догадаться обо всем остальном. «А ты, плут, что стоиш? Садись тут же! Тебе ли, плуту, владеть дочерью моею!», — беспомощно бранится Нардин-Нащокин, после того как Фролка, уже «овладевший» его дочерью и принудивший стольника дать родительское благословение, является к нему в дом. «Государь-батюшка, уж тому как бог судил», — издевательски-скромно отвечает добившийся своей цели Фрол.

Эти повествовательные приемы были тесно связаны с сюжетным построением повести. «Повесть о Фроле Скобееве», несомненно, самый выразительный во всей древнерусской литературе образец амбивалентного сюжета. Что означало торжество «плута и ябедника» Фролки над Нардиным-Нащокиным? У читателя

¹¹⁰ Д. С. Лихачев. Человек в литературе древней Руси. М.—Л., 1958, стр. 12—26.

могли возникнуть серьезные подозрения, что автор не очень сочувствует драме, совершившейся в семье стольника, и не без восхищения смотрит на проделки своего героя. Но поймать автора на слове, обвинить его в сочувствии пороку было невозможно. Даже в наше время литературоведы могли утверждать, что Фрол Скобеев в повести — отрицательный персонаж, ибо он «мошенник по призванию и плут по убеждению» и ему «чужды та удаль и та истинно русская размашистость, которыми наделяют „разбойничков“ русские народные песни».¹¹¹ Это, конечно, не очень сильные аргументы: плутовская повесть не могла бы существовать, если бы ее герой не был мошенником; требовать от Фрола Скобеева «русской размашистости» так же бессмысленно, как требовать от его собрата Ласарильо с Тормеса «испанской гордости». Но как и всякая плутовская повесть, «Повесть о Фроле Скобееве» предоставляла читателю сделать окончательные выводы из прочитанного текста. Как далеко он пойдет в этих выводах — это уже зависело от него самого.

---

¹¹¹ Русская повесть XVII века, стр. 471—472.

